

Послѣ побѣды

(На поляхъ битвы подъ Варшавой).

За два дни мы (я съ двумя товарищами) объѣхали всѣ важнѣйшіе пункты боя подъ Варшавой. Везде была одна и та же картина: несчетные оковы въ поляхъ и вѣдьмѣ шоссе; живые сооруженные формы дѣн артиллерій, окруженные дощечей проволокой; миллионы разстрѣлянныхъ патроновъ, взломанныхъ почвой, словно выпавшей жѣдкий градъ; разрушенные или поврежденные снарядными снарядами строения; обрушенные и поваленныя деревья; трупы лошадей, а иногда и человеческиа тѣла, ждущія погребенія; ряды связокъ престоавъ надъ братскими могилами. Все свидѣтельствовало, что время борьбы была одинаково жестокой и упорной.

По тѣмъ же дорогамъ мнѣ случалось пробѣгать нежданнымъ образомъ, при самомъ началѣ наступленія вѣнцевъ. Новыя земляныя сооружения жителями совершенно измѣнили пейзажъ. Прямые откосына гряды или вѣды замѣнились странно изрытыми, словно парваными полями. Можно было только удивляться той энергіи и тѣмъ напряженно, которые могли въ короткое время выполнить всѣ эти работы, возвести всѣ эти валы, укрѣпить всѣ эти окопы. Думалось о томъ, что сейчасъ миллионы рукъ роютъ землю отъ Балтійскаго моря до Барпаты и отъ Атлантическаго океана до Аляски и что для человечества, если бы оно въ мировое время дружно работало съ такимъ же усердіемъ, предпріятія въ родѣ прорытія Панамскаго канала были бы нетрудными дѣлами нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Взять намъ пришлось полъ дождемъ, льющаго послѣдніе дни надъ Варшавой не переставая. Поэтому мы на личномъ опытѣ могли убѣдиться, какія затрудненія представляли вѣнды въ своемъ наступленіи. Но шоссе нашъ автомобиль подвигался еще довольно успешно. Но какъ только мы сворачивали на проселочныя дороги, колеса безнадежно застрѣвали въ глубокой грязи. Но развѣ мы должны были выходить и собственными руками выколачивать погрязшія колеса. Между тѣмъ въ Бель-

гии и въ Пруссіи германская армія всю свою артиллерию перенесла на автомобиляхъ. На автомобиляхъ же съѣзжали обычно за вѣндыными войсками различныя припасы, походына кухни и т. п.

На первыхъ верстахъ мы постоянно обгоняли фуры и телеги вѣнцевъ, возвращавшихся въ свои освобожденные города. Преимущественно то были европ., составляющіе большинство городского населенія въ центральной Польшѣ. Въ окопѣхъ старинныхъ фургоновъ и съ высоты телегъ, перегруженныхъ сумками, корзинами и узлами, смотрѣли на насъ измученныя лица съ выраженіемъ какого-то тупого безразличія. Женщины, хвативъ руками своей жалкой спарбы, бесмысленно уставляли глаза передъ собой, словно не видя ничего. Старикъ-еврей съ такимъ же разпущеніемъ сидѣлъ въ глубинѣ фуры, какъ деревенныя статуи пророковъ. Казаки, всѣмъ было все равно, куда вѣхать и сколько времени идти путь. Живыя столько ихъ мысала, что они болѣе не ощущали ея толчковъ. Даже возница не обращалъ вниманія на гулы нашего автомобиля и не спорачивалъ въ сторону. Только черноволосые ребятишки испуганно, но съ любопытствомъ глядяли и насъ, и все окружающее.

Жизнь уже выработала въ Польшѣ опредѣленные приемы для вѣнцевъ. При извѣстіи о приближеніи вѣнцевъ въ городу жители укладываютъ по дорожнику все наибѣе цѣнное и негодное, прячутъ остальное въ укромныхъ мѣстахъ, собираютъ всѣ экипажи, какіе только можно достать, набиваютъ въ нихъ со своими вещами сверхъ мѣры и бѣгутъ, скрда глаза глядя, въѣзжая въ 50—70 въ сторону. Огни находятъ принятъ въ освѣпять городъ у родныхъ или знакомыхъ. Другихъ принимаютъ разныя благотворительныя учрежденія. Трельи, наконецъ, расплачутся тѣлопривѣ въ перекъ повашемъ лѣсу. Та-ворные учрежденія свое временное управленіе, выставляютъ стражу, дежурный день и ночь, выбираютъ старосту, распределяющихъ провіантъ между всѣми пороту, на коммунальныхъ начедасть, и т. п. Потомъ узнавъ, что ихъ городъ вновь сталъ «вольнымъ», вѣнцы вновь укладываютъ имущество на повозки, и таятся на родное несяща-

Вѣтъ мѣстечка, которыя по два и по три раза пережжана такое выселеніе.

Настрѣчку намъ по пути въ Варшавѣ шли партія пѣвчихъ пруссоновъ. Равенныхъ возки поодиночкѣ въ камхѣто однокашника. Пруссоки, бѣдные, угрюмые, вѣхли не поднимая глазъ: казалось, имъ было мучительно-стыдно своего положенія. Пѣше шли группами по 8—10 человекъ подъ коновѣтъ нашихъ солдатъ. Мы пробовали наговорачатъ съ пѣвчими (конечно, не-Слѣвца), но они отвѣчали крайне неохотно, а то и вовсе не отвѣчали. Моимъ товарищамъ хотѣлось пріобрѣсти на-нажить прусскія каски. Но долгое время никто не соглашался на такой торгъ. Одинъ молодой пруссакъ съ интеллигентнымъ лицомъ общиюю возразилъ: «Мнѣ моя каска нужна самому!» и отказался отъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Наконецъ, нашлось два солдата, рѣшившихся на продажу. Они уступили намъ по рублю двѣ каски съ вѣдчанымъ орломъ, равноцѣвными кокардами по бокамъ и надписью: «Mit Gott für Kaiser und Vaterland». Оба эти солдата сдѣлали добровольно. Они объяснили отъ своей чести, про-буждая вѣдчій день на мѣстномъ мѣстности и, видя, что ихъ не пробрати-ся съвоемъ ряду русскихъ войскъ, по-шли въ ближайшую деревню, гдѣ попросили наговорачатъ себя и сдать русскимъ.

Парадально съ нами подымались без-копешныя пѣши обозовъ и повозки колесныя нашихъ полковъ. На прилахъхъ нѣсколько завязывались бѣдыи съ офицерами, которые еще продолжали жить исключительно впечатлѣніями недавняго боя. Ни о чемъ другомъ имъ же хотѣлось имъ думать, ни говорить. На-прямую, пережитое ими, было такъ велико, что даже не было желанія отлучиться отъ него, перенесеніе мысленно къ другимъ взрослымъ. Солдаты, на-противъ, охотно болтали о чемъ-нибудь постороннемъ и увлекались раз-сказомъ о боѣ лишь послѣ того, когда мы ихъ начинали расширивать. Съ нѣсколькими солдатами намъ при-шлось провести довольно долгое время вѣдчѣ. То были «единички», дого-нявшие свой полкъ и просившіе ихъ подвести. Такия просбы мы, конечно, исполняли съ истиннымъ удоволь-

ствіемъ, тѣмъ болѣе, что безкитрос-ные рассказы солдатъ всегда очень живо представляли намъ недавнія со-бытія.

Не могу не упомянуть здѣсь одного солдата, пробѣжавшаго съ нами почти отъ самой Варшавы до Прушкова. То былъ простой крестьянинъ Могилевской губернии, но онъ съ большой вдумчи-востью оцѣнивалъ все, что было намъ пережито за время войны. Въ свое время онъ «сфрейбать» всю японскую кампанію, а теперь, прежде чѣмъ по-насть подъ Варшаву, уже побывалъ со своимъ полкомъ въ Пруссіи, пройдя до самаго Инстербурга.

Разувѣтся, чаще наши разговоры вращались около недавнихъ боевъ. Намъ пришлось опять выслушать много рассказовъ и отъ офицеровъ, и отъ солдатъ, о коварствѣ пруссоновъ, о злоупотребленіи бѣлымъ флагомъ, обстрѣлѣ Краснаго Креста и т. д. Объ этомъ все говорилъ съ негодо-вательствомъ, но какъ о чемъ-то общо-известномъ, не требующемъ доказа-тельствъ. Много рассказывали намъ и о подвигахъ, находившихъ и муже-ство отдѣльныхъ лицъ. Но эта война была намъ уже столько пріобрѣтъ лич-ной отваги, что, чтобы собрать ихъ всѣхъ, потребовалось бы писать цѣлые томы. Въ свое время, занесенные въ семейные записки и мемуары, они ста-нутъ общаго достояніемъ и любимымъ чтеніемъ молодежи.

Въ одинъ голосъ всѣ наши собесѣ-дники констатировали неустыхъ нѣмец-кой артиллеріи. Въ предѣлахъ Польши нѣмецкія орудія оказались гораздо бо-лее опасными, нежели «у себя дома». Въ Восточной Пруссіи всѣ разсказы были вѣдчаными заранѣе вѣдчеными; два го-да подъ-рядъ они устраняли тамъ боль-шіе маневры и изучали малѣйшія де-таль мѣстности; огромный штатъ ин-женъ-профессионаловъ и добровольцевъ помогалъ арміи и регулировалъ стрѣль-бу батарей. Поэтому въ Пруссіи нѣмец-кія артиллерійскія орудія отличались убійственной мѣткостью, и вѣнды про-слабы за древоскопныхъ артиллери-стовъ. Въ Польшѣ эта слава значи-тельно померкла.

Добравъ до полей битвы, мы всадъ встрѣчали сады артиллерійскаго боя. Деревья, строения, ограды,—все

носило на собѣ отбѣныя раны, нанесен-ныя стальюмучными чудовищами. Вездѣ видѣлись сокрушенные балки, обру-шенныя кирпичи, пробитое жѣззо или страшныя царапины по камню и по металлу, словно отъ когтей небывало-огромнаго зѣвря. Лѣсъ неподалеку отъ Хойнова весь искалѣченъ артиллерій-скими обстрѣломъ. Громадные стволы расщеплены гранатами; съ лѣсныхъ ги-гантовъ срытаны, словно вода, со-драна кора на аршинъ и больше; ду-бы и вѣды просверлены пушечными ядрами; молодцы какъ-будто переру-баны пополамъ.

Другихъ признаковъ артиллерійскихъ боевъ были срубленныя деревья. Они являли свободному обстрѣлу, и ихъ без-жалостно уничтожали. Ручей было вѣзды по дорогѣ, но обитымъ сторонамъ которой стоятъ, на равныхъ промежут-кахъ, словно толстыя тумбы, величавыя ищи. Еще недавно здѣсь была тѣлесная аллея, она изъ тѣхъ, что придаютъ особую прелесть пейзажамъ Западнаго края. Теперь дорога сразу обсалчались, не-то обжалѣла, не-то обжалѣла. По-требуется цѣло столѣтіе времени, что-бы вновь пріобрѣтъ ей прежній видъ. Можно мечтать о возсозданіи рай-скаго собора, но человеческая воля и всѣ наши труды не ваятъ возсоздать стогтѣныя вѣды, давнѣе тѣхъ нѣсколькими поколѣніямъ путниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ были срублены и повалены на дорогу обрамленныя ее высо-кой ветви. Словно гигантскія хи-лосты лежать отбъ, перекинувшись съ одного края на другой. Прежде путь шелъ здѣсь словно въ густой заросли, между двумя зелеными стѣнами, съ однимъ отдаленнымъ просвѣтомъ впередѣ. Теперь слѣва и справа открылись тонкія болотистыя низины. Дорога ста-ла плоской и скучной... За-го цѣль была достигнута, и вѣнды не удалось провести здѣсь свои тяжелыя орудія на помощь къ обстрѣливаемой нами батарѣ.

«Артиллерійскія дуэли» закончили всю первую половину боевъ подъ Варша-вой. Противники стояли такъ далеко другъ отъ друга, что вѣнды не приходо-лось по парамъ и по ротамъ. Боролось ожесточенно, не видя одинъ другаго. То была дивно тѣ дни, когда варша-

ване, выйдя за заставу, съ тревогой наблюдали, какъ въ тумолѣхъ побѣ, ко-хъ освѣщенномъ заревами, вѣшквѣшныя киричи, пробитое жѣззо или страшныя царапины по камню и по металлу, словно отъ когтей небывало-огромнаго зѣвря. Лѣсъ неподалеку отъ Хойнова весь искалѣченъ артиллерій-скими обстрѣломъ. Громадные стволы расщеплены гранатами; съ лѣсныхъ ги-гантовъ срытаны, словно вода, со-драна кора на аршинъ и больше; ду-бы и вѣды просверлены пушечными ядрами; молодцы какъ-будто переру-баны пополамъ.

Другихъ признаковъ артиллерійскихъ боевъ были срубленныя деревья. Они являли свободному обстрѣлу, и ихъ без-жалостно уничтожали. Ручей было вѣзды по дорогѣ, но обитымъ сторонамъ которой стоятъ, на равныхъ промежут-кахъ, словно толстыя тумбы, величавыя ищи. Еще недавно здѣсь была тѣлесная аллея, она изъ тѣхъ, что придаютъ особую прелесть пейзажамъ Западнаго края. Теперь дорога сразу обсалчались, не-то обжалѣла, не-то обжалѣла. По-требуется цѣло столѣтіе времени, что-бы вновь пріобрѣтъ ей прежній видъ. Можно мечтать о возсозданіи рай-скаго собора, но человеческая воля и всѣ наши труды не ваятъ возсоздать стогтѣныя вѣды, давнѣе тѣхъ нѣсколькими поколѣніямъ путниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ были срублены и повалены на дорогу обрамленныя ее высо-кой ветви. Словно гигантскія хи-лосты лежать отбъ, перекинувшись съ одного края на другой. Прежде путь шелъ здѣсь словно въ густой заросли, между двумя зелеными стѣнами, съ однимъ отдаленнымъ просвѣтомъ впередѣ. Теперь слѣва и справа открылись тонкія болотистыя низины. Дорога ста-ла плоской и скучной... За-го цѣль была достигнута, и вѣнды не удалось провести здѣсь свои тяжелыя орудія на помощь къ обстрѣливаемой нами батарѣ.

«Артиллерійскія дуэли» закончили всю первую половину боевъ подъ Варша-вой. Противники стояли такъ далеко другъ отъ друга, что вѣнды не приходо-лось по парамъ и по ротамъ. Боролось ожесточенно, не видя одинъ другаго. То была дивно тѣ дни, когда варша-

ване, выйдя за заставу, съ тревогой наблюдали, какъ въ тумолѣхъ побѣ, ко-хъ освѣщенномъ заревами, вѣшквѣшныя киричи, пробитое жѣззо или страшныя царапины по камню и по металлу, словно отъ когтей небывало-огромнаго зѣвря. Лѣсъ неподалеку отъ Хойнова весь искалѣченъ артиллерій-скими обстрѣломъ. Громадные стволы расщеплены гранатами; съ лѣсныхъ ги-гантовъ срытаны, словно вода, со-драна кора на аршинъ и больше; ду-бы и вѣды просверлены пушечными ядрами; молодцы какъ-будто переру-баны пополамъ.

Другихъ признаковъ артиллерійскихъ боевъ были срубленныя деревья. Они являли свободному обстрѣлу, и ихъ без-жалостно уничтожали. Ручей было вѣзды по дорогѣ, но обитымъ сторонамъ которой стоятъ, на равныхъ промежут-кахъ, словно толстыя тумбы, величавыя ищи. Еще недавно здѣсь была тѣлесная аллея, она изъ тѣхъ, что придаютъ особую прелесть пейзажамъ Западнаго края. Теперь дорога сразу обсалчались, не-то обжалѣла, не-то обжалѣла. По-требуется цѣло столѣтіе времени, что-бы вновь пріобрѣтъ ей прежній видъ. Можно мечтать о возсозданіи рай-скаго собора, но человеческая воля и всѣ наши труды не ваятъ возсоздать стогтѣныя вѣды, давнѣе тѣхъ нѣсколькими поколѣніямъ путниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ были срублены и повалены на дорогу обрамленныя ее высо-кой ветви. Словно гигантскія хи-лосты лежать отбъ, перекинувшись съ одного края на другой. Прежде путь шелъ здѣсь словно въ густой заросли, между двумя зелеными стѣнами, съ однимъ отдаленнымъ просвѣтомъ впередѣ. Теперь слѣва и справа открылись тонкія болотистыя низины. Дорога ста-ла плоской и скучной... За-го цѣль была достигнута, и вѣнды не удалось провести здѣсь свои тяжелыя орудія на помощь къ обстрѣливаемой нами батарѣ.

«Артиллерійскія дуэли» закончили всю первую половину боевъ подъ Варша-вой. Противники стояли такъ далеко другъ отъ друга, что вѣнды не приходо-лось по парамъ и по ротамъ. Боролось ожесточенно, не видя одинъ другаго. То была дивно тѣ дни, когда варша-

Только внимательно осмотрѣвъ поля битвы, можно представить, съ ка-кой тщательной обдуманностью дѣй-ствовали вѣнды. Планъ всѣхъ ихъ ови-дѣлать въ Варшавской губерніи былъ бы-вѣротно; весьма поучителенъ для воен-наго техника. Многие сооруженія возве-дены словно на показъ: геометрически-правильно выравнены края окоповъ; прочно, какъ бы на долгие годы, устрой-ны прикрытія; съ суровымъ вкусомъ обрѣзаны углы фортовъ. Можно любо-ваться этой солидной и по- своему кра-сивой работой. Вѣдѣтъ съ тѣмъ окопы были разбиты такъ, что давали воз-можность подѣ прикрытіями и подка-таріе офицеры знали, что именно происходитъ. Слыша эти вопли жалобъ, и повально воспоминалъ героя драматическаго «Юрорина», который то-же негодовалъ:

Два дни мы были въ перестрѣлкѣ. Что толку въ этой бездѣлкѣ? Не сбито, что ли, командиры? Душе поварачъ мушкетеры? О русские штыки!

Суворова традиція оказалась живо въ нашей арміи, и наши солдаты до сихъ поръ «штыкъ-дурь» предпочи-тають «штыкъ-молодецъ». — Офицеры, ваше благородіе, не пу-скаютъ, а то бы мы ихъ (т. е. вѣнды) живо проучали!—говорилъ мнѣ на передовыхъ позиціяхъ одинъ солдатъ еще въ первые дни боевъ.

И были случаи, не дожидаясь командъ, увлекаа другъ-друга ослухительнымъ «ура», бросающъ впередъ, доблкали подъ огнемъ, сражавшимъ направо а напра-во, до неприятельской позиціи или даже батарей и дѣйствительно «выбивали» вѣнды. Въ штыки нѣсколько разъ переходили при Шесчаной. Штыками бы-ли взяты обратно Тарчинъ и Гройцы, въ Гройцахъ билась въ рукопашную да-же на улитѣ (единственной въ горѣхъ) и въ домахъ, гдѣ вѣнды шталась за-баррикадироваться столбами и скамей-ками.

— И колѣни, и вѣдѣтъ стрѣляешь,—рассказывалъ мнѣ съ восторгомъ одинъ молодой солдатъ, но въ словахъ его было никакой жестокости: его увлекло не самое убійство, а возмож-ность пролѣтъ, наконецъ, личную хра-брость и силу.

Валерій Брюсовъ.

(Варшава, 11-го октября.)